

Монета ребе: история и бытование хасидского обычая

Мария Михайловна Каспина

(Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия)

ORCID ID: 0000-0003-1181-7879

Доцент, кандидат филологических наук

Центр библеистики и иудаики

Российского государственного гуманитарного университета

125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6

Тел.: +7 (495) 250-64-70

E-mail: kaspina@mail.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2019.12

Аннотация: В статье разбирается обычай получать из рук ребе благословение в виде монеты-оберега, который появился в первой половине XIX в. и очень быстро стал популярен в различных течениях и группах хасидов. Хасиды регулярно совершали паломничество к своему цадику или приезжали на определенные праздники, а также для решения своих личных проблем в любое время. Они приносили ребе записки с просьбами о помощи (квитл), а также делали определенное денежное подношение, которое называется «пидьон ха-нефеш» (букв.: выкуп души). В ответ они получали от цадика в качестве награды благословение и монету, и ценность дара ребе для хасида значительно превосходила физическую стоимость объекта. Ритуал сформировался, вероятно, при дворе Израиля Фридмана (1797–1850), Ружинского ребе, но постепенно получил распространение в других хасидских династиях. Мы рассмотрели в динамике хасидскую традицию придавать деньгам дополнительное символическое значение. Основной смысл приобретает физическая и духовная взаимосвязь лидера со своим последователем. Монета-оберег ценна тем, что к ней прикасался цадик. Она становится символом постоянного присутствия ребе в жизни хасида, причем это важно и для каждого конкретного человека, получившего освященные деньги, и для общины в целом. Контактная магия действует не только при жизни

Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

цадика, но и после его смерти, поскольку он продолжает выполнять свою основную функцию – доносить просьбы обычного человека непосредственно до Бога. Поэтому практика использования монет-шмирот продолжается даже годы спустя после смерти ребе, выдавшего эти деньги.

Ключевые слова: *хасидизм, еврейские обычаи, еврейская этнография, контактная магия, цадик, монета*

В хасидской среде в целом принято наделять особыми магическими свойствами те предметы, которые имели соприкосновение с ребе: остатки его еды, вино из его бокала, деньги, которые он раздает, его одежду и проч. [Zborowsky, Hertzog 1964, 178; Biale, Assaf 2018, 209]. Даже книги, в которых рассказывается о цадиках и их чудесах, например «Шивхей Бешт»¹ или «Ноам Элимелех»², сами по себе становятся амулетами, их многократно переиздают, делают карманные форматы и часто носят с собой [Biale, Assaf 2018, 208]. Обычай получать из рук ребе благословение в виде монеты возник в первой половине XIX в. и очень быстро стал популярен в различных течениях хасидизма. Такие монеты назывались «шмира» (буквально в переводе с иврита оберег). Хасиды регулярно совершали паломничество к своему цадик или приезжали на определенные праздники, а также для решения своих личных проблем в любое время. Они приносили ребе записки с просьбами о помощи (*квитл*), а также делали определенное денежное подношение, которое называется «пидьон ха-нефеш» (букв.: выкуп души). В ответ они получали от цадика в качестве награды благословение и монету. Иногда это мог быть другой амулет, написанный самим ребе, или устное благопожелание, молитва и т.п. [Zborowsky, Hertzog 1964, 172]. В любом случае ценность дара ребе для хасида значительно превосходила физическую стоимость объекта.

¹ «Шивхей Бешт» – сборник историй об основателе восточноевропейского хасидизма рабби Исроиле Баал Шем Тове (1700–1760). Первое издание: Копысь (Могилевская губ.), 1814.

² Сборник поучений раби Элимелеха бар Элизера-Липы Вайсблума (1717–1787) из Лежайска. Первое издание: Львов, 1788.

Ритуал сформировался, вероятно, при дворе Израиля Фридмана, Ружинского ребе³. Практика обращения к цадику за помощью известна с момента зарождения хасидского направления в иудаизме и связана с именем его основателя Израиля Баал Шем Това – Бешта. Однако только в ружинской династии укрепился обычай взамен на приношения в виде денег и записок получать от ребе искупление грехов, благословение и серебряную или медную монету, которая для хасидов становилась талисманом: приносила удачу, здоровье и благополучие. Когда таких монет накапливалось у паломников несколько, из них выплавляли предметы, которые использовали во время различных религиозных церемоний: бокалы для *киддуша*, освящения вина, подносы для обряда выкупа первенца, ханукки, табакерки, пасхальные супницы и проч. [Goldman-Ida 2018, 172, 298, 310; Goldman-Ida 2019, Эвен 1922, 199]. От обычных ритуальных предметов их отличали надписи: «сделано из святых монет», «это серебро цадика», «из святых талисманов» и т. п. (ил. 1). Но в некоторых случаях священные монеты оставались нетронутыми и вплавлялись целиком в поднос, пояс или основание ханукии.

Данный обычай привлекал внимание, с одной стороны, коллекционеров и исследователей еврейской материальной культуры, которые встречались с такими предметами-талисманами в собраниях

Ил. 1.

Бокал для киддуша (ритуальное освящение субботней трапезы). Серебро, гравировка. Польша. Начало XX в. На иврите выгравирована надпись: «Это серебро праведников». Высота 6 см; диаметр 5,4 см. Из коллекции Музея истории евреев в России. Инв. № 000001530

³ Израиль Фридман (1797–1850) – хасидский цадик, внук ученика Баал Шем Това, Магида из Межерича. Основал роскошный хасидский двор в Ружине (сейчас поселок в Житомирской обл. Украины). В 1838 г. ребе был арестован. Спасаясь от преследования властей, он в 1842 г. перешел русско-австрийскую границу и поселился в Австрии в городке Садгора (рядом с Черновцами), где тоже основал двор. Его сыновья стали основателями нескольких хасидских династий.

иудаики [Гольчинский 1966; Goldman-Ida 2018; Goldman-Ida 2019], а с другой – историков ружинского и других направлений хасидизма [Городецкий 1922; Wertheim 1992; Assaf 2002; Biale, Assaf 2018]. Мы продолжим изучение этой традиции и ее бытования, в том числе и в современных еврейских общинах Украины и Молдавии, где различные ответвления ружинского хасидизма были очень популярны вплоть до середины XX в.

Выкуп души («пидьон ха-нефеш»)

Сама процедура выкупа души за деньги известна еще из классических еврейских текстов. Так, в Библии сказано: «Когда будешь делать исчисление сынов Израилевых при пересмотре их, то пусть каждый даст **выкуп за душу** свою Господу при исчислении их, и не будет между ними язвы губительной при исчислении их. Всякий, поступающий в исчисление, должен давать половину шекеля, шекеля священного» (Исх 30:12–13). Есть упоминание церемонии выкупа грехов с помощью денег и в Вавилонском Талмуде:

Сказал рабби Элизер: когда существовал Храм, человек приносил шекель на храмовую службу и искупал свои грехи. Сейчас, когда Храм не существует, если человек дает цдаку (пожертвования) – хорошо, а если нет, язычники придут и заберут все его сбережения силой. И даже эти деньги будут считаться пожертвованием, как сказано: «праведность (цдака) главенствовать будет» (Ис 60:17) [Вавилонский Талмуд, трактат Бава Батра 9а].

В дальнейшем термин «пидьон ха-нефеш» (выкуп души) утвердился среди каббалистов Цфата и бродячих проповедников Восточной Европы [Педая 2001, 329–332; Goldman-Ida 2018, 323]. В сборнике рассказов о Баал Шем Тове «Шивхей Бешт», который был впервые опубликован в 1814 г., есть отдельная глава, посвященная выкупу души. Магид из Межерича, ученик Бешта, помог заболевшей жене раввина благополучно разрешиться от тяжелой беременности, потому что она позволила ему взять любые деньги из ее сундука. Было взято 160 золотых монет, поскольку это число в гематрии⁴

⁴ Гематрия – один из методов анализа смысла слов и фраз на основе числовых значений входящих в них букв.

соответствует слову «кесеф» – серебро [Шивхей Бешт 2010, 238–240]. В многочисленных последующих хасидских источниках, упоминающих церемонию выкупа души, встречаются различные суммы пидьона, которые нужно было отдать цадику. Иногда эта сумма могла равняться 18 монетам, так как слово «хай» (жизнь) состоит из букв, сумма числовых значений которых равна восемнадцати; или 430 монетам – числовое значение слов «нефеш» (душа) и «шекель» (серебряная монета); иногда сумма была равна числовому значению имени просителя. В некоторых случаях это могла быть любая сумма, которую мог собрать проситель, но минимальной считался один серебряный рубль [Ландау 1892, 53; Zborowsky, Hertzog 1964, 172–174; Педая 2001, 331; Goldman-Ida 2018, 323–325; Assaf 2002, 293].

Постепенно с середины XIX в. вокруг фигуры цадика складывается целая экономическая инфраструктура. К нему регулярно приходят паломники и приносят пидьон, он получает деньги во время своих путешествий к хасидам, живущим в других местах, а, кроме того, его посланники ежегодно собирают налог «маамад». Появляется такое понятие как «двор» того или иного цадика, который находится в одном конкретном месте, его необходимо содержать и т. п. Так, например, двор Израйля Ружинского был настолько роскошен, что дом его напоминал дворец, для украшения приглашались архитекторы и скульпторы из Европы, а сам он ездил в карете со слугами и лакеями, запряженной четверкой лошадей. По воспоминаниям путешественников, посещавших двор Ружинского ребе, богатство его было настолько велико, что даже пол его столовой был выстелен серебряными рублевыми монетами [Assaf 2002, 17]. По другой версии, Израиль Ружинский говорил: «Если бы только люди знали, какую пользу приносит праведник в мир, когда у него есть деньги, они бы выстелили весь пол его дома золотыми монетами» [Assaf 2002, 293; Раппопорт 1904, 15]. Таким же пристрастием к роскоши отличались его сыновья – Давид-Моше из Чорткова и Авраам-Яков из Садгоры, а также несколько родственных ему династий: Тверские ребе из Чернобыля, Тального и Чечельника, Римановский ребе и др. Про рабби Мордехая Чернобыльского рассказывали, что однажды он бросил в лицо просителю бумажный рубль, сказав: «Если бы ты принес мне 25 серебряных рублей, я бы нашел для тебя решение проблемы» [Assaf 2002, 399; Сэфер ха-яхас, 60].

Монета-талисман («матбеа ле шмира»)

Сложно точно сказать, когда впервые фиксируется обычай получать от цадика взамен на денежное подношение или квитл монету, но большинство исследователей склонны относить эту практику к рассмотренному выше Ружинско-Садигорскому направлению хасидизма [Гольчинский 1966, 121; Педая 2001, 344; Goldman-Ida 2018, 329; Assaf 2002, 285–303]. В более ранних источниках ни про Бешта, ни про великого Маггида из Межерича, ни про других харизматических лидеров хасидизма нет ни одной истории, в которой упоминается монета-шмира. Первые серебряные рубли-обереги, которые нам известны из музейных и частных коллекций, а также из наших этнографических экспедиций, датируются 1830–1840 гг. [Гольчинский 1966, 120]. Помимо серебряных рублей в качестве монеты-оберега могли использоваться медные деньги достоинством от 5 копеек и выше [Гольчинский 1966, 120; Эвен 1922, 197]. Причем характерно, что более мелкие монеты стали применяться позже, уже в XX в., и подтверждение этому мы увидим ниже, когда будем говорить о современных полевых материалах.

Магические практики с монетами-оберегами

В воспоминаниях учеников и последователей Ружинского ребе и его потомков встречаются подробные описания различных практик, связанных с монетами-талисманами, побывавшими в руках у ребе. Так, один из хасидов Садгоры, Ицхак Эвен, оставил подробное описание получения священной монеты при дворе сына Исраэля Ружинского, ребе Авраама-Якова Фридмана (1820–1883), которую он видел летом 1883 г.:

Садигорский ребе, благословенна его память, раздавал своим хасидам монеты. То есть каждому, кто ни попросит монету (а кто не попросит?), он почти никогда не отказывал. Обычно тот, кто просил монету, протягивал ребе серебряную монету. Ребе брал ее, держал молча несколько секунд в руке и возвращал хасиду, для которого она теперь становилась дороже любого сокровища. Такая монета называлась «шмире». Ее берегли как зеницу ока, боялись потерять, потому что она защищала владельца от всего плохого. В очень редких случаях ребе давал свою монету для шмиры. <...> Почти каждый садигорский хасид имел много

таких монет, которые ему давал ребе в каждую его поездку. Эти «шмиры» были для хасидов как святая святых. Как только человек заболел, он просил, чтобы ему под подушку положили «шмиру», по двум причинам. Во-первых, из-за веры в ее целебные магические свойства для выздоровления, а во-вторых, если все-таки, Боже упаси, придет ему срок уходить из этого мира, монета проведет его за руку в могилу и спасет от ангела Думы⁵ и от других несчастий. <...> Это стало обычаем всех садигорских хасидов завещать положить себе в могилу все монеты-шмиры [Even 1922, 195–196; *перевод с идиша здесь и далее мой.* – М.К.].

Мы видим, что получение освященной монеты – это двусторонний процесс, подчеркивающий тесную взаимную связь хасида со своим ребе. Взамен на финансовую поддержку раввинского двора он получает свою же монету, ценность которой не столько материальная, сколько духовная. Она является его гарантом не только при жизни, но и после смерти, эта монета – субститут постоянного присутствия ребе в жизни хасида. Механизм контактной магии наделяет небольшой объект, побывавший в соприкосновении с источником сверхъестественной силы, всеми исходными магическими качествами.

Монеты для индивидуального использования

Одна из важнейших функций монеты-шмиры, как и, собственно, самого цадика, – исцеление больного. Мы встречаем рассказ о таком случае в сборнике, посвященном деяниям Штефанештского ребе Аврума Мататьяху Фридмана (1847–1933), внука Ружинского ребе. Рабби Элиезер Зуся из Скулена в юности заболел какой-то неизвестной болезнью живота. Болезнь мешала ему изучать Тору и исполнять заповеди, и он направился к врачам. Один врач выписал очень дорогое лекарство, но оно не помогло. Другой врач стал лечить его диетами, и ему стало хуже. Обратились к профессору, который выписал больному травяные отвары. И когда состояние Элиезера Зуся стало критическим, он с трудом забрался на извозчика и повелел ему отвезти себя к Штефанештскому ребе. У ребе он первым делом попросил монету-шмиру для исцеления. Как только Аврум Мататьяху

⁵ Ангел Дума – Ангел тишины. Согласно талмудическим представлениям, он встречает душу умершего и жестоко наказывает ее за грехи [Вавилонский Талмуд, трактат Санхедрин, 94а; Шаббат, 152б].

дал ему такую монету, он выздоровел и больше никогда не болел [Чудотворец из Штефанешт 2003, 79]. Как и в целом во многих рассказах о чудесных деяниях цадиков, мы встречаем здесь мотив о том, что ребѐ помогает лучше, чем известные и квалифицированные врачи [см. Каспина 2012, 123–125].

Мотив волшебного исчезновения священной монеты-оберега после того, как она выполнила свою функцию, встречается в мемуарах хасидов неоднократно. Так, сам Ицхак Эвен приводит несколько таких случаев.

Однажды у Иче Шойхета, хасида Садигорского ребѐ из Борислава, тяжело заболел друг. Врачи отчаялись ему помочь, и ему под подушку положили мешочек монет-оберегов. В полночь, когда ему стало совсем плохо и окружающие опасались худшего, он задремал, и ему приснилось, что он в Садгоре на празднике у ребѐ. Ребѐ спросил у хасида, есть ли у него монеты с собой и может ли он их ему показать. Хасид протянул ребѐ мешочек с монетами. Ребѐ вынул на стол все монеты и выбрал одну, ту, которую хасид получил в свой самый первый приезд. «Эту монету ты должен вернуть назад», – сказал ребѐ и взял ее. В этот момент хасид проснулся посвежевшим и выздоровевшим. Первым делом послал он домашних проверить мешочек с монетами, который лежал под подушкой, и обнаружил, что самая первая монета исчезла. Когда в следующий раз хасид приехал к ребѐ и рассказал ему свой сон, тот сказал, что это был не сон, а чистая правда, и больше ничего не пояснял [Эвен 1922, 197].

Отсутствие объяснений чудесного – тоже один из важнейших мотивов хасидской агиографической литературы. Ребѐ доступно тайное знание, и оно делает его уникальным человеком. Простому смертному и не должно быть открыто понимание причин и следствий различных событий.

О втором случае волшебного исчезновения монеты-шири Яков Эвен услышал от старых вижницких хасидов во время празднования годовщины смерти Менахема Менделя Хагера, зятя Ружинского ребѐ. Дочь Израэля Ружинского, жена Вижницкого ребѐ, во время тяжелой беременности попросила у своего отца монету-ширу от всякого зла, которую она всегда носила в мешочке на груди. После смерти Ружинского ребѐ, монета чудесным образом исчезла из мешочка. Двадцать пять лет носила женщина пустой мешочек на груди, считая, что если она не удостоилась монеты, то пусть с ней будет

хотя бы мешок. Незадолго до смерти женщина перенесла операцию у великого профессора в Вене. В час операции она взмолилась своему отцу о помощи, и монета неожиданно снова оказалась в мешочке [Эвен 1922, 198–199].

Рассказ об исчезающей монете-обереге есть и в сборнике, посвященном деяниям Штефанештского ребе. Всем хасидам давал ребе чудотворную монету, а Израилю Горенштейну давать ее наотрез отказался, поскольку он просил такую монетку, чтобы она оберегала его после 120 лет. Сто двадцать лет – положенный человеку срок жизни, и не согласен был цадик вмешиваться в естественный ход вещей. Однако Израиль Горенштейн упорно настаивал на своей просьбе. Весь двор ребе наблюдал с замиранием сердца, как из раза в раз приезжал Израиль просить у праведника монетку и как ребе ему регулярно отказывал. Однажды сжалился ребе над Израилем Горенштейном и выдал ему монету. Однако через день после похорон самого Аврума Мататьяху монета исчезла, и, как ее ни искали, так и не смогли найти [Чудотворец из Штефанешт 2003, 75–78].

Монета-оберег выдавалась каждому хасиду индивидуально, но при этом ее можно было передавать по наследству или специально брать для другого человека: «Такая монета не представляла ценности ни для кого другого, только для того, кому ее дал ребе. <...> Но ее можно было взять “за глаза”, отец для детей, муж для жены. Также один хасид мог попросить другого получить у ребе монетку, если тот передаст за него квитл с пидьоном» [Эвен 1922, 196, 199].

Монета для всей общины

Тем не менее некоторые монеты-обереги использовались для других целей: они изначально выдавались не конкретному человеку под его нужды, а в целом на общину или для любого хасида. Их можно было продать на аукционе, а на вырученные деньги устроить общинную трапезу и купить выпивку. Вот как вспоминает об одном таком случае Яков Эвен:

Это случилось летом 1882 года, когда я был в Ржавнице⁶ в Бессарабии у р. Иче Фихмана. В этот год тяжело заболел раби Авраам-Яков из

⁶ Ржавинцы – сейчас село в Заставновском р-не Черновицкой обл. Украины.

Садгоры, настолько, что доктора отчаялись ему помочь. Но Господь смилостивился над тысячами его хасидов и послал ему исцеление. А когда весть о его выздоровлении дошла до садигорских хасидов, они устроили в своих городах благодарственную трапезу, на которой ели и пили, пели и танцевали за здоровье ребе. Чтобы сделать ржавницким хасидам праздник, я вместе с еще одним своим другом, р. Хаимом Шломо, написал изящное письмо нашему ребе. Я использовал цитаты из недельной главы Торы, и просил святого раввина смилостивиться над общиной ржавницких хасидов и послать им свою монету, чтобы они могли устроить трапезу радости. Письмо было послано со специальным человеком, который умел переходить воровскую границу⁷, и ему для прохода границы специально выдали 3 рубля. И как же велика была наша радость, когда я получил ответ через родственника ребе, р. Хирша Лейба Билига, вместе с монетой – целым серебряным рублем. Вскоре весь город узнал о радостной вести. Монету тут же продали одному хасиду, которого звали реб Илья, за 25 рублей, на которые были куплены напитки, и пиршество длилось три дня без перерыва. Это веселье я не забуду до конца своих дней [Эвен 1922, 199–200].

Израиль Раппопорт в книге «Диврей Давид» («Изречения Давида») оставил описание двора ребе Давида-Моше Фридмана из Чорткова (1828–1903), другого сына р. Исраэля из Ружина. Он тоже описывает такие монеты, которые получали не лично, а на всю общину. Он рассказывает, как работал сборщиком налогов для ребе и ездил в разные города Бессарабии собирать *маамад* – ежегодный налог, который все хасиды давали на своего ребе. Взамен, говорит рассказчик, он раздавал монеты, которые специально брал заранее у ребе. Поэтому во всех городах, где посылали ребе налоги, имелись такие монеты [Раппопорт 1904, 52–53].

Таким образом, мы видим, что сами монеты, которые так или иначе передаются хасидами цадику, приобретают не только прямое, но и символическое значение в перечисленных направлениях хасидизма.

⁷ Садгора в конце XIX в. находилась в Австро-Венгрии, а Бессарабия – в Российской империи, и ружинским хасидам, чтобы добраться к своему ребе, приходилось зачастую нелегально пересекать государственную границу.

Другие направления хасидизма

Не все направления хасидизма признавали практику раздачи монет-оберегов. Так, например, хасиды Цанзской династии были категорически против этого. Ицхак Эвен рассказывает в своих мемуарах, как однажды он заболел тифом и, опасаясь за свою жизнь, попросил отца, оказавшегося рядом, принести под подушку мешочек с монетами-шмирами от Садигорского ребе. Отец, верный цанзский хасид, наотрез отказался, но чудесным образом выздоровление произошло само собой, а монеты из мешочка исчезли бесследно [Эвен 1922, 196–197]. Цанзские хасиды в целом выступали открыто против поклонников садигорской династии, осуждая пристрастие цадииков к земной роскоши [Assaf 2002, 13–14].

Тем не менее, по многочисленным свидетельствам хасидов и исследователей, начиная со второй половины XIX в. цадики многих польских (Бельз, Пшемысль, Кожинец и др.) и украинских (Чернобыль, Чечельник, Несхиж и др.) династий активно применяли практику раздачи благословений и монет, которые впоследствии использовались как оберег или талисман. На Волыни монеты-шмиры закапывали под четырем углами строящегося дома для обеспечения благополучия живущих в нем [Ландау 1882, 51; Гольчинский 1966, 121]. По редким свидетельствам, польские евреи клали такую монету на живот роженицы, если она никак не могла разрешиться от бремени [Гольчинский 1966, 121].

Один из хасидов Балты, Шмуэль Кауфман, оставил в 1880 г. подробные воспоминания о своем визите к цадику Моше Гитерману из Чечельника (1827–1876)⁸:

Габай написал за нас квитл цадику, прося милости за детей, здоровья и пропитания, благ всем родственникам и добавил к просьбе наличных денег от каждого из нас, кто сколько мог... Ребе принял нашу просьбу, почти игнорируя деньги, только отложив их на край стола, где сидел габай, который и забрал деньги. Ребе читал просьбу каждого человека,

⁸ Моше Цви Гитерман из Саврани – известный хасидский цадик XIX в., получивший известность как Савранский ребе. Был раввином во многих городах Украины (Саврань, Умань, Бердичев, Балта, Чечельник). Был влиятельным хасидским лидером Западной Украины, число последователей которого исчисляется тысячами. Основал Савранскую хасидскую династию, которая существует и сегодня.

поднимал глаза к небесам, благословлял каждого, чтобы Бог, да будет Он Благословен, помог ему, а также он раздавал дары: одному – монету шмиру, другому – амулет, третьему – медицинский рецепт, который он диктовал габаю, как врач. Другими словами, каждый покидал цадика исполненный надежды и веры [Кауфман 1955, 16].

Автор подчеркивает, что отношения хасида и ребе были взаимовыгодными. Если цадик внешне игнорировал полученные деньги, то габай аккуратно распределял их. А ребе не случайно сравнивается с врачом: он раздает рецепты и лекарства – амулеты и обереги.

Встречается в хасидской литературе, посвященной другим династиям, и упоминание об иных функциях шмиры. В книге Ицхака Ландау о ребе Ицхаке Шапиро из Несхижа на Волини (1790–1868)⁹ речь идет о двух типах монеты-оберега. «В последние годы ребе раздавал монеты для удачи, а не для охраны (шмиры). И это были разные монеты. Он говорил, что стоимость монеты для удачи 25 рублей. И не объяснял. Он давал ее только в исключительных случаях и только тем, кто его знал лично» [Ландау 1882, 51]. Здесь повторяются мотивы о различных функциях монет, о том, что основная стоимость такой монеты – 25 рублей, а также о том, что ребе ничего не объясняет своим последователям, поскольку только ему доступно тайное знание.

Сохранились свидетельства о продолжении практики раздачи монет-оберегов даже в концентрационном лагере в период Холокоста. В книге Яффе Элиях «Бог здесь больше не живет», где собраны хасидские истории эпохи Катастрофы, есть рассказ «Амулет ребе из Белза». В тарновском гетто к доктору Ишайе Хендлеру обратился за медицинской помощью белзский ребе Аарон Рокеах (1877–1957)¹⁰, который пытался убежать от нацистов. Доктор Хендлер, рискуя жизнью, поехал и помог ребе, отказываясь от платы за свои услуги.

⁹ Ицхак Шапиро – сын Мордехая из Несхижа (1742–1800), ученика Йехиэля-Михла из Злочева. Мордехай из Несхижа был раввином в Галиции, затем перебрался в Несхиж, где прославился как великий чудотворец. Сын продолжил его дело.

¹⁰ Рабби Аарон Рокеах (1877–1957) – четвертый ребе в династии Белзских цадиков. Пока он был раввином, город Белз (сейчас – Сокольский р-н Львовской обл. Украины) стал важным центром паломничества евреев, которые приезжали к раввину за благословлением, помощью и мудрым советом. Спасся из гетто и в 1944 г. переехал в Палестину, где основал множество синагог в память о белзских евреях, уничтоженных нацистами.

В ответ ребе благословил его и дал ему монету в 20 злотых, которую велел беречь. Доктор Хендлер сберег ее и не продал за двадцать тысяч злотых: «Какую бы цену вы мне ни предложили, я все равно не расстанусь с этой монетой. Она бесценна, ибо стоит всей моей жизни!» Ишайя Хендлер выжил и всегда хранил эту монету, показывая ее всем гостям в Тель-Авиве [Элиах 2005, 52–54].

В Житомирской области Украины на могилу ребе Израиля Дов-Бера из Веледников (1789–1850)¹¹ до сих пор приходят люди и оставляют на его могиле монеты. После того, как они некоторое время лежат на могиле, они становятся шмирой¹². Могила цадика остается важнейшим местом паломничества, он продолжает быть просителем и заступником за простых хасидов уже после своей смерти. И теперь процесс двустороннего общения с ним становится более виртуальным. Ему приносят записочки, раздают деньги на благотворительность, а взамен он освящает монету, положенную на его могилу.

Предметы, сделанные из монет

Вещи, которые сделаны из переплавленных монет-оберегов, появляются немного позднее: большая их часть датируется второй половиной XIX – началом XX в., хотя иногда они содержат в себе ранние монеты как часть орнамента [Гольчинский 1966, 122] (ил. 2, 3). Благодаря надписям на некоторых предметах, сделанных из монет, мы можем легко вычислить регион, где эта традиция была распространена. Так, в коллекции Киевского музея исторических драгоценностей Украины хранится серебряный бокал для киддуша, на котором выгравирована следующая надпись: «Этот стакан сделан из монет праведников, в славе которых мы живем: цадика р. Исраэля Ружинского, будет благословенна его память, его сыновей цадииков, р. Давида Моше из Чорткова, р. Мордехая из Гусятина, р. Ицхака из Боаша, цадика р. Ицхака Меира из Зинькова, будет благословенна

¹¹ Рабби Исраэль Дов Бер (1789–1850) – ученик Мордехая Тверского из Чернобильской династии хасидов. Он является автором важного труда, книги «Шеэрит Исраэль» («Остаток Израиля»), но широкую известность получил как цадик и чудотворец.

¹² <http://myshtetl.org/zhitomirskaja/veledniki.html>

Ил. 2.

Поднос. Серебро, гравировка. Российская империя (?). Конец XIX – начало XX в. На иврите выгравирована надпись: «Сделано из священных монет». Инсталлированы австрийские монеты, достоинством в один и два флорина (1866–1887) и русские монеты, достоинством один рубль (1877–1898). 26,2×45 см. Из коллекции Музея истории евреев в России. Инв. № 000001527

Ил. 3.
Поднос. Реверс

его память, цадика Зуси из Зинькова, будет благословенна его память, цадики из Меджибожа, цадика р. Авраама Йошуа Хешля, да охранят нас его заслуги и цадика р. Хаима из Зинькова»¹³. Судя по приведенным именам праведников, здесь объединились монеты Ружинской и Апта-Зиньковской династий хасидизма¹⁴. И датируется этот бокал по именам живших в тот момент раввинов – 1880-ми гг. Еще один интересный стакан для киддуша, имеющийся в коллекции Центра еврейского искусства в Иерусалиме¹⁵, датируется 1923 г. и сделан в Вене из монет Бояновского ребе Ицхака Фридмана (1850–1917), внука Ружинского ребе. В коллекции Уильяма Гросса в Тель-Авиве представлен киддушный бокал 1880 г. с надписью «Из шмирот святого раввина из Садгоры»¹⁶ [Biale, Assaf 2018, 210]. Сохранилось также свидетельство одного из хасидов Садгорского ребе, р. Лейзера, о том, что у него был киддушный бокал, сделанный из 17 монет, полученных от цадика, поскольку число 17 равно в числовом значении слову «тов», обозначающем «хорошо» на иврите [Гордецкий 1922, 301].

Доллар Любавического ребе

Несколько особняком стоит еще одна очень популярная вплоть до недавнего времени традиция получать символические деньги от хасидского ребе. Во второй половине XX в. в Нью-Йорке седьмой и последний Любавический ребе, лидер Хабада Менахем Мендл Шнеерсон (1902–1994), не связывая ее напрямую с изучаемым обычаем получения монеты-оберега, преобразовал ее и придал ей американский колорит [Biale, Assaf 2018, 209]. М. Шнеерсон в целом

¹³ <http://cja.huji.ac.il/browser.php?mode=set&id=260>

¹⁴ Апта-Зиньковская династия хасидизма была основана цадиком из Меджибожа р. Ицхаком Меиром Гешелем (1775–1855), сыном знаменитого Аптер-ребе (р. Авраам Йошуа Гешель). С его переездом в Зиньков (сейчас райцентр Хмельницкой обл. Украины) в 1825 г. местечко превратилось в один из самых притягательных хасидских центров в Подолии. Династию цадики продолжил р. Мешулам Зуся (1814–1866), сын р. Ицхака Меира. Он издал книгу своего деда «Оев Исраэль», написав к ней предисловие, и опубликовал собственные поэтические сочинения, притчи и проповеди. Большим влиянием среди подольских евреев пользовался также сын р. Мешулама Зуси р. Хаим Менахем (умер в 1894 г.).

¹⁵ <http://cja.huji.ac.il/browser.php?mode=set&id=26919>

¹⁶ Gross Family Collection. Tel Aviv. 017.001.108.

восхищался США, новым домом Хабада. Вместо монет он раздавал однодолларовые купюры, объясняя эту практику тем, что только на американских деньгах написано «In God we trust» – «На Бога мы уповаем» [Ehrlich 2004, 67]. Первоначально ребе раздавал долларовые монетки хасидским детям за успехи в учебе. Но начиная с 1986 г. практика изменилась. Каждое воскресенье и по особым праздничным дням Менахем Мендель Шнеерсон принимал толпы посетителей около своего дома в Бруклине. Люди приходили посмотреть на ребе, получить банкноту в один доллар и благословение. Это были дети и взрослые, хасиды и простые посетители, инвалиды, беременные женщины и т.п. За восемь лет было роздано несколько миллионов долларов однодолларовыми купюрами [Ehrlich 2004, 65]. Ребе предлагал потратить эти деньги на благотворительность, добавив к ним еще. Таким образом, экономическая структура взаимоотношений цадика со своими последователями кардинально поменялась. Сначала ребе давал доллар, а потом человек, который его получал, тратил на благотворительность гораздо больше.

Магические банкноты продолжали получать и после смерти ребе: их передавали друг другу в случае необходимости, дарили на праздники, покупали на аукционах, принимали из рук ребе, которого, по их рассказам, явственно видели в 2000-х гг.¹⁷ Также доллары время от времени продолжали раздавать его последователи, поскольку сам ребе сказал, что в этом обычае не может быть изменений и перерыва¹⁸.

Несколько видоизменилось отношение получателя к доллару-талисману и его последующее использование. Монеты-обереги хранили в мешочке, вешали на грудь или переплавляли в ритуальные предметы. Долларовые банкноты, полученные от ребе, тоже хранили отдельно, они утрачивали свою денежную ценность, но приобретали другое, символическое значение. Смысловую нагрузку стали придавать надписям и цифрам на самой купюре, сложилось множество историй о нахождении чудесных совпадений в датах важных событий в жизни человека с номером на долларе. Так, получив в 2015 г. доллар ребе на исцеление дочери, родители обнаружили, что «на долларе есть надпись – 24 Кислева 5750 (22.12.1989). Это день рож-

¹⁷ https://www.moshiach.ru/view/miracles/789_2_3.html

¹⁸ <https://www.moshiach.ru/vid/dollars/4518.html>

дения дочки. А номер доллара – почти те же цифры, как у девочки в удостоверении личности!»¹⁹ Еще одно удивительное совпадение обнаружила женщина, всю жизнь мечтавшая иметь долларовую купюру от ребе. Когда это желание осуществилось в 2016 г., она вывела фотографию доллара в фейсбуке и тут же получила от друзей сообщение: «“Ривка, а ты обратила внимание на дату? Это же дата твоей свадьбы – 15 кислева!” И я поняла, что Ребе мне ясно и отчетливо показал: “Все хорошо. Я с тобой!”»²⁰ Самым известным совпадением, пожалуй, является широко освещавшаяся в прессе история, связанная с долларом ребе, подаренным матери Гилада Шалита – израильского солдата, попавшего в плен. На долларе была написана дата посещения ребе Ханой Кантерман – женщиной, подарившей купюру в 20 тишрея. Это оказался тот самый день, когда Гилада Шалита согласились обменять на палестинских заключенных²¹. Все описанные совпадения связаны с еврейскими датами, которые указаны на купюрах или номером банкноты. Чудеса намекают на незримое присутствие ребе в жизни человека, связанного с ним через доллар, выданный им лично.

Современные полевые записи

В ходе полевых исследований последних пятнадцати лет, проводимых совместно Центром библеистики и иудаики РГГУ, Центром «Петербургская Иудаика» и Международным центром научных работников и преподавателей иудаики «Сэфер», мы несколько раз сталкивались с воспоминаниями об обычаях получать монету от ребе, а изредка нам даже демонстрировали такие монеты, сохранившиеся в семьях.

Монеты и предметы, сделанные из монет

В одной из первых экспедиций 2004 г., предпринятой в город Могилев-Подольский петербургским исследователем Валерием Дымшицем, был обнаружен в еврейском семействе Евгении Штейман и Ефима Гольцера серебряный рубль, полученный дедом Евгении

¹⁹ <https://www.moshiach.ru/view/miracles/11418.html>

²⁰ <https://news.jeps.ru/lichnaya-istoriya/lyubavicheskij-rebe-istoriya-s-dollarom.html>

²¹ <https://www.7kanal.co.il/News/News.aspx/146820>

Ил. 4.

Монета, полученная дедом Е. Штейман от Рашковского ребе. Серебро. Могилев-Подольский. 2007 г. Фото М. Каспиной. Архив центра «Петербургская Иудаика»

Штейман от ребе из города Рашков (сейчас Приднестровье): «Дедушка ездил в Рашков к этому ребе. И он благословил ему вот этот рубль, и дал ему на память. [...Соб. – А дедушка к нему регулярно ездил?] Ну были такие дни, что он принимал своих, как говорится, поклонников. Из *ер гевен* приверженец того. Старинную монету он благословил и деду дал на память. И эта монета – она уже почернела – она у меня хранится»²² (ил. 4).

Вероятно, дедушка Евгении Штейман ездил к р. Шломо-Залману Второму, умершему в 1913 г., выдающемуся раввину из династии Рашковских ребе, который тоже практиковал обычай раздачи серебряных монет

своим хасидам. Рашковская династия стоит особняком и напрямую не связана с ружинско-садигорским направлением хасидизма, но территориально Рашков вплотную примыкает к Бессарабии, где влияние ружинской династии было велико. Впоследствии, в 2007 г., мы еще раз встретились с теми же информантами в Могилеве-Подольском в составе большой группы исследователей. Оказалось, что в этой семье сохранился не только рубль от Рашковского ребе, но еще и пояс, сделанный из освященных им серебряных монет (ил. 5, 6). Во время войны в лагере дедушка прятал эти сокровища и не потратил их: «[ШЕ:] Дедушка пере... связался поясом, и держала мама – так само. И держали в такой невзрачной торбе, чтоб не придавать значения»²³. От этих же информантов было записано историческое предание о царе Николае II, изображенном на рублевой монете. Его

²² Штейман Евгения (Шейне-Тубе) Владимировна, 1937 г.р., род. в Атаках. Зап. в г. Могилев-Подольский, 2004 г. Соб.: В.А. Дымшиц.

²³ Mog_07_095. Инф.: Гольцер Ефим (Хаим) Самойлович, 1934 г.р., род. в Могилеве (ХГ); Штейман Евгения (Шейне-Тубе) Владимировна, 1937 г.р., род. в Атаках (ШЕ). Зап. в г. Могилев-Подольский в 2007 г. Соб.: Я. Войтенко, С. Изард, А. Кушкова.

Ил. 5.

Пояс из монет, полученных дедом Е. Штейман от Рашковского ребя.
Серебро. Могилев-Подольский. 2007 г. Фото А. Кушковой.
Архив центра «Петербургская Иудаика»

Ил. 6.

Фрагмент пояса из монет, полученных дедом Е. Штейман от Рашковского ребя.
Реверс. Серебро. Могилев-Подольский. 2007 г. Фото М. Каспиной.
Архив центра «Петербургская Иудаика»

рассказал муж Евгении Штейман – Ефим Гольцер: «Одна богатая помещица хотела выстелить себе пол из одних монет, и она пришла к нему и спрашивает: “Можно выстелить пол из монет с Вашим обликом?” Он говорит: “Можно, только так поставить монету, чтоб на меня не вставали”. Так она поставила монеты вот так [ребром]»²⁴. Интересно, что этот мотив – пол, покрытый монетами, – перекликается с мемуарными свидетельствами о дворце Ружинского ребе, которые мы приводили в начале статьи. Вероятно, в данном регионе в еврейском фольклоре бытовали не только общие практики, касающиеся монет-оберегов, выданных ребе, но и отдельные мотивы исторических преданий об их чрезмерном богатстве.

Устные свидетельства о получении монет-оберегов

Мы работали в регионах (юго-запад Украины, Молдавия, Приднестровье), где в начале и в середине XX в. еще были актуальны традиции посещения цадиков из Ружинско-Садигорской династии и их учеников. Частично эти места исторически входили в Бессарабию, а потом в Румынию (1918–1940). Поэтому многие из наших информантов 1920-х гг. рождения успели застать в своем детстве настоящий хасидский двор в том виде, в котором он существовал с конца XIX в. До 1933 г. жил в небольшом румынском городке Штефанештах Аврум Мататьяху Фридман (1847–1933) – Штефанештский ребе, внук Ружинского ребе Израиля Фридмана. К нему приезжали на паломничество из различных городов и местечек, и сам он иногда приезжал в те места, где жили его хасиды.

Женщина, родившаяся в Бричанах (на территории современной Молдавии) в 1927 г., вспоминает, как Штефанештский ребе приезжал в их город в ее детстве:

Он приезжал, но не жил, не жил в нашем городе, в Бричаны. Он жил в другом городе – Штефанешты это были. Но он приезжал как-то каждый год, или два раза в году и узнали, все жители узнали, что он приехал, и приходили, чтобы у него... общаться с ним. Чтобы ему рассказать свои беды, чтобы он помог в этом. И приезжали не только с Бричаны, а вокруг вот были и села, что жили евреи – в деревнях тоже ж жили

²⁴ Там же.

евреи, еврейские семьи – они приезжали к нему и все рассказывали. Он им помолился, и обещал, и сказал, что все будет хорошо. И он давал им такую монетку, и чтоб одевали на шею такую. Даже если там были... маленькие... У кого маленькие дети, они рассказывали, что дети болеют, что дети вот... Ну так, и даже если, когда надо было чтоб что-то замуж выходил – дочка, или сын женился, так женится, так он их благословил, сказал, что Бог поможет и все будет хорошо. И такая вера была, что верили, и что исполнилось, что он предсказал, то все исполнялось²⁵.

В этом рассказе повторяются основные детали получения монеты-оберега, которые мы встречали в письменных свидетельствах, но совершенно опускается мотив взаимного обмена ценностями. Скорее всего, ребе давал монетку не просто в ответ на просьбу об исцелении или удачном замужестве. Он разъезжал по окрестностям Штефанешт, чтобы собрать ежегодный налог, позволявший ему содержать двор. И если в письменных мемуарах хасидов все время подчеркивается, что ребе обязательно вручали пидьон – денежное приношение за выкуп души, или он собирал маамад – ежегодный налог, то здесь эта деталь заретуширована. Возможно, это объясняется тем, что в детских воспоминаниях информантки деньги еще не играют существенной роли, потому монетка, которую надо вешать на шею, запоминается больше, чем просто денежная сумма, отданная заезжему чудотворцу родителями.

Про монетку, полученную от ребе, которую носили на шее, проделывая в ней дырочку, вспоминает еще одна женщина из города Бельцы 1922 г.р. До 12-летнего возраста ее каждый год родители возили в Штефанешты за благословением ребе:

Штефанешты – это район такой. Далеко от нас, надо ехать. Я помню, ехали целый день. Так туда – этот равин был. Вы знаете, он был такой – как ангел был такой весь! Очень старенький, белая борода, сам – тело его, как молоко, как ребёнок, когда рождается – белое молоко! <...> И мои родители, тоже моя мама всегда, каждый год, ехала со мной к равину в Штефанешт, чтоб он дал мне благословение, чтоб я была здоровая, и чтоб папа зарабатывал деньги, чтоб дал благословение, чтоб жить было легко. И каждый год мама со мной ездила туда, был специально один мужчина, он имел двое лошадей и подвода такая, не подво-

²⁵ Койфман Циля Моисеевна, 1927 г.р., Бричаны. Зап. в Черновцах в 2007 г. Соб.: М. Каспина, Д. Терлецкая, Н. Киреева.

да, как сельская, а... [повозка]. И он брал 4–5 человек, ездили туда, заплатили, и он ждал, пока нас приняли раввин. Но деньги он [ребе] не брал, не-е-ет, куда там! А есть у него помощник такой там. И тоже ставил в кассу кто как мог. И он принимал, и он – я помню, как сейчас! – гладил мне по голове и читал молитва, и взял – тогда были копейки, ну, это при румынах было. Было копейки, и он благословил эту копейку и надо было ее одеть на шею, носить. И папа сделал дырочку, ленточку, и я носила всегда. И чтоб я не болела, вот это раввин был! [... Сколько раз вас возили в Штефанешты?] Ой, много раз! Каждый год моя мама ехала! Много раз <...>. [А что он у вас спрашивал?] Спрашивал, как я учусь. Мне было, я была ребенок, двенадцать лет было или одиннадцать лет. И говорил мне, чтобы я слушала, слышала, слушала родителей, и чтоб я училась хорошо, чтоб я... чтоб родители имели радость от меня, и вот так... И дал мне эту вот... я вам сказала, что он мне дал монетку. Эту вот, он ее, это вот... прочитал молитву там, еще благословил ее, и дал мне монетку. <...> и спрятали, завязали в платочек, и дома папа сделал дырочку в этой копейке, и одевала на шею на ленточку носила. <...> И зимой, и летом носила благословение²⁶.

В данном рассказе мы наблюдаем бытование этого обычая в динамике, поскольку, согласно рассказу информантки, монету-оберег обновляли каждый год. И ей запомнились именно регулярные поездки в Штефанешты. Интересно отметить, что Мария Марковна подчеркивает: денег сам ребе не брал, хотя ему обязательно платили. Это делал за него помощник, вероятно – габай.

Та же Мария Марковна вспомнила и встречу с другим ребе, произошедшую уже в 1960-х гг., когда в Бельцы приехал Рыбницкий ребе, Хаим Занвл Абрамович (1902–1995), ученик и наследник Штефанештского ребе, живший в Рыбнице (Приднестровье) с 1941 по 1973 гг.:

Я слышу, что подъехал ребе с Рыбницы туда, и он принимает там людей. И я... моя мама тогда сильно болела. Я пошла к нему. Я имела соседку – молдаване – но мы были дружны очень, и эти дети были как мои. И одна ребенка у нее имела астму с детства. И я это взяла Мариночку с собой тоже. И взяла, чтоб пошли мы к ребе с Рыбниц. Очень красивый раввин был – не старик. Ребе с Штефанешт был как ангел, белый старичок, очень красивый, но очень белый, как ребенок как рожда-

²⁶ Мазур Мария Марковна, 1922 г.р., Бельцы. Зап. в Бельцах, 2011 г. Соб.: О. Белова, Н. Киреева, М. Каспина.

ется. А этот равин был как мужчина, этот с бородой – небольшая, не-длинная. Красивый мужчина, но очень-очень хороший равин. И я ему верила. И он мне... Я была на приеме. Я ему не сказала, что девочка не-еврейка. Зачем ему было это сказать? Может быть, потому что равины принимают на прием неевреев. Я помню, в Штефанешты приезжали в селах на своих подводах – полный двор и ждали на прием к ребе. Равин всех принимал <...> Рыбницкий ребе мне это вот читал молитву и дал мне <...> Моя мама болела, и я под подушку маме, сколько она болела. Потом она выздоровела. Мама еще не была очень старая – ей было тогда, наверное, шестьдесят лет. Она умерла в семьдесят восемь лет. И она лежала, и она потом выздоровела. А этой Мариночке он тоже копейки – да, поэтому я вспомнила. Я сказала ее маме: «Люба, сделай это дырочку, и одень Мариночке», и так она делала²⁷.

Мы узнаем из этого рассказа, что ружинско-сидигорская традиция удивительным образом сохранилась в Молдавии даже в советское время. Ученик и преемник бездетного Штефанештского ребе, Хаим Занвл Абрамович, воспроизводит всю стандартную систему хасидских объездов. Он принимает просителей, читает молитву и дает им монетку, которую следует носить на шее или класть под подушку. При этом монетка уже явно мелкая, это не рубль, а копейка, что отражает традицию, характерную для поздних хасидских практик XX в. Более того, ребе принимает не только евреев. И это далеко не единственное свидетельство о том, что неевреи в этом регионе массово обращались к раввинам со своими просьбами [см. Амосова, Каспина 2009].

В самом городе Рыбница тоже сохранились свидетельства о том, что Хаим Занвл Абрамович, Рыбницкий ребе, раздавал монеты-обереги. Михаил Шмульевич Сегал, 1941 г.р., показывал нам монету в 20 копеек, над которой ребе что-то пошептал:

Он мне, когда уезжал, мама пошла к нему. И он... когда амулет, 20 копеек он освятил... как это называется? Он на память мне оставил. Где-то она есть... Он дал мне, я всегда держал в брюках в кармане, мама вшила в брюки мне. Чтобы помогало по жизни, в ситуациях. Любые вещи он благословлял²⁸.

²⁷ Там же.

²⁸ Ryb_17_02_Sigal, Ryb_018_04_Sigal. Сигал Михаил Шмуэльевич, 1941 г.р., Рыбница. Зап. в городе Рыбница. Соб.: М. Каспина, Е. Дубровская (2017), С. Бардина, С. Погодина (2018).

Информант уверен, что эта монета спасала его в разных сложных ситуациях, связанных с риском для жизни. Сейчас он хранит эту монету рядом с портретом ребе и фотографиями родителей, то есть в очень значимом для себя месте. Но в его рассказе о монете от рыбницкого ребе есть одна несостыковка. На монете, которую нам показали, стоит 1977 г., в то время как точно известна дата отъезда Рыбницкого ребе из Советского союза – 1973 г. При этом в одном из интервью он говорит, что мать брала для него монету у ребе, когда ему было 16–17 лет. В таком случае речь идет о конце 1950-х гг., и тогда непонятно, почему монета, которую информант так бережно хранит, датируется таким поздним временем.

Мы зафиксировали и воспоминания рыбничан, которые посещали Хаима Занвля после его отъезда в Америку, о том, как он там продолжал раздавать деньги. Удивительно, что, оказавшись в США, ребе из Рыбниц тоже стал раздавать своим последователям долларовые купюры, а не металлические монеты:

Тогда, когда уже он жил в Америке, мои двоюродные братья ездили туда, он уже был старенький и он некоторым, не всем подряд, но некоторым, тем, кто приходили в синагогу, он давал помощь в бизнесе или в чем. Он очень многим давал один доллар. Один американский доллар. На удачу. Он жил очень скромно, но в принципе он был человек не бедный: многие, кто уезжал, оставляли ему мебель, деньги, машины, всё, что угодно. Но материальное его никогда не интересовало, и он отдавал это другим людям, тем, которые нуждались. <...> Из этих двух братьев один стал очень успешным бизнесменом. Он как раз дал каждому по доллару. Второй стал раввином, а первый стал просто очень успешным бизнесменом²⁹.

Речь идет о последних десятилетиях XX в., поскольку рыбницкий ребе умер в Америке в 1995 г., то есть в те же годы, когда Любавический ребе ввел традицию раздавать именно однодолларовые купюры. Если перед нами не контаминация этих двух раввинов в восприятии информанта, мы можем предположить, что ружинско-сади-

²⁹ Ryb_018_54_Farbery. Ситнер Владимир Юдкович, род. в Рыбнице, живет в Израиле. Зап. в Рыбнице по скайпу с родственниками в 2018 г. Соб.: А. Кушкова, А. Ковтун.

горская традиция трансформировалась в Америке в практику раздавать не монеты, а бумажные банкноты.

Выводы

Подводя итоги, можно выделить несколько важных моментов. Мы проследили длительную, существующую и в наши дни в несколько трансформированном виде хасидскую традицию наделять деньги дополнительным символическим значением.

Номинальная стоимость монет и купюр уходит на второй или на третий план, но большое значение в хасидской среде приобретает формальные качества денег. Цифры на банкноте, пометки и текст о вере в Бога приобретают повышенную важность. Монета цадика становится не только материалом, но и частью декора ритуального предмета, сделанного из шмирот. Возможно, большую популярность монет-оберегов можно дополнительно объяснить следующим фактором: на обороте рублей и копеек изображался герб Российской империи – двуглавый орел. А этот образ традиционно осмыслиется как символ Всевышнего, не случайно в росписях синагог и на предметах еврейского искусства на двуглавом орле читается надпись – четырехбуквенное имя Бога, Тетраграмматон [см. подробнее: Хаймович 2000]³⁰.

Основной смысл приобретает физическая и духовная взаимосвязь лидера со своим последователем. Монета-оберег ценна именно тем, что к ней прикасался цадик. Она становится символом постоянного присутствия ребе в жизни хасида, причем это важно и для каждого конкретного человека, получившего освященные деньги, и для общины в целом. Контактная магия действует не только при жизни цадика, но и после его смерти, поскольку он продолжает выполнять свою основную функцию – доносить просьбы обычного человека непосредственно до Бога. Поэтому практика использования монет-оберегов продолжается даже годы спустя после смерти ребе, выдавшего эти деньги.

³⁰ Благодарю В.А. Дымшица за это замечание, сделанное в ходе обсуждения моего доклада на конференции «Вещь – символ – знак» в 2018 г.

Литература и источники

- Каспина, Амосова 2009 – *Каспина М., Амосова С.* Парадокс межэтнических контактов: практика обращения неевреев в синагогу (по полевым материалам) // Антропологический форум. 2009. С. 1–24. http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011online/11_online_04_kaspina-amosova.pdf
- Гольчинский 1966 – *Гольчинский Х.* Икрат кос шель браха ве-матбеа ха-сгула (Значение киддушного бокала и монеты-оберега) // Сэфер зееви / Ред. И. Зигельман. Хайфа, 1966. С. 119–126 (иврит).
- Городецкий 1922 – *Городецкий С.* Ха-хасидизм ве-ха-хасидут (Хасидизм и хасиды). Иерусалим, 1922. Т. 3 (иврит).
- Каспина 2012 – *Каспина М.* Почитание Штефанештского ребе: прошлое и настоящее // Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2012. С. 120–136.
- Кауфман 1955 – *Кауфман Ш.* Зихронот (Воспоминания). Тель-Авив, 1955 (иврит).
- Ландау 1892 – *Ландау И.* Зикарон Тов. Петраков, 1892 (иврит).
- Педая 2001 – *Педая Х.* «Ха-дегем ха-хеврати-дати-калкали бе хасидут» (Социорелигиозные и экономические модели в хасидизме). Иерусалим, 2001. (Иврит).
- Раппопорт 1904 – *Раппопорт И.* Диврей Давид. Гусятин, 1904 (иврит).
- Сэфер ха-яхас 1938 – *Тверский А.-Д.* Сэфер ха-яхас ми-чернобыль ва-ружин (Книга о связи Чернобыльских и Ружинских хасидов). Люблин, 1938 (иврит).
- Ха-цаддик ми-штефанешт 2003 – Ха-цаддик ми-штефанешт / Ред. А.Я. Соломон. Т. 2. Бней-Брак, 2003 (иврит).
- Хаймович 2000 – *Хаймович Б.* «Геральдический орел» в художественной культуре восточноевропейских евреев // Вестник Еврейского Университета. 2000. № 3 (21). С. 87–111.
- Шивхей Бешт 2010 – Шивхей Бешт [Хвалы Исраэлю Бааль-Шем-Тову] / Науч. ред., сост. и примеч. И. Лурье, М. Яглом; пер. с иврита М. Кравцова. М., 2010.
- Эвен 1922 – *Эвен И.* Фунэм ребинс хойф, зихройнес ун майсес (Из двора ребе. Воспоминания и рассказы). Нью-Йорк, 1922 (идиш).
- Элиах 2005 – *Элиах Я.* Бог здесь больше не живет. Хасидские истории эпохи Катастрофы, М., 2015.
- Assaf 2002 – *Assaf D.* The regal way: the life and times of Rabbi Israel of Ruzhin / David Assaf; translated from the Hebrew by David Louvish. Stanford, 2002.
- Biale, Assaf 2018 – *Biale D., Assaf D., etc.* Hasidism: a new history. Princeton; Oxford, 2018.
- Ehrlich 2004 – *Ehrlich A.M.* The Messiah of Brooklyn: understanding Lubavitch Hasidism past and present. New Jersey, 2004.
- Goldman-Ida 2018 – *Goldman-Ida B.* Hasidic Art and the Kabbalah. Brill's Series in Jewish Studies. Vol. 59. Brill, 2018.

- Goldman-Ida 2019 – From Talisman to Judaica The Magical and Mystical Sides of the Shmire Blessed Coin // *Windows on Jewish Worlds: Essays in Honor of William Gross, Collector of Judaica*. Walburg Pers B.V, 2019. P. 301–21.
- Wertheim 1992 – *Wertheim A.* Law and Custom in Hasidism Law and Custom in Hasidism. New York, 1992.
- Zborowsky, Hertzog 1964 – *Zborowsky M., Herzog E.* Life is with people. The culture of the Shtetl. New York, 1964.

Coin of the Rebbe: the History and Existence of the Hasidic Custom

Maria Kaspina

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

ORCID ID: 0000-0003-1181-7879

PhD in Philology Sciences, Associate Professor

The Center for the Biblical and Jewish Studies of Russian University State for the Humanities

Miuskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia

Tel.: +7(495) 250-64-70

E-mail: kaspina@mail.ru

Summary: The article deals with the custom of receiving from the hands of the Rebbe a blessing in the form of a coin-talisman, which appeared in the first half of the 19th century and very quickly became popular within various groups of Hasidim. Hasidim regularly made pilgrimages to their tsaddik or came for certain holidays, as well as to solve their personal problems at any time. They brought the Rebbe notes with requests for help, and also made a certain monetary offering, which is called “pidyon ha-nefesh” (literally – Redemption of the Soul). In response, they received a blessing and a coin from the tsaddik as a reward, and the value of this gift from the Rebbe for the Hasid greatly exceeded the physical value of the object. The ritual was probably formed at the court of Israel Friedman (1797–1850), the Ruzhin Rebbe, but gradually became widespread in other Hasidic dynasties. We have considered a long-term, but existing in a somewhat transformed form until our days, the Hassidic tradition of giving money a symbolic meaning. The basic meaning is acquired by the physical and spiritual interrelation of the leader with his followers. The coin-talisman is valuable because it was touched by the tsaddik. It becomes a symbol of the Rebbe’s constant presence in the life of a Hasid. Contact magic acts not only during the life of the tsaddik, but also after his death, as he continues to perform his main function –

to convey the requests of an ordinary person directly to God. Therefore, the practice of using coins-talismans continues even years later, after the death of the tsaddik, who issued the coin.

Keywords: *Hasidism, Jewish customs, Jewish ethnography, contact magic, tsaddik, coin*

References:

- Eliach, Ya. 2005. *Bog zdes' bol'she ne zhivet. Khasidskie istorii epokhi Katastrofy*. Moscow.
- Even, I. 1922. *Funem rebins khoif, zikhroines un maises*. New York.
- Golchinsky, Kh. 1966. *Ikrat kos shel' brakha ve-matbea ha-sgula*. In *Sefer zeevi*, edited by I. Zigelman, 119–126. Haifa.
- Gorodetsky, S. 1922. *Ha-khasidizm ve-ha-khasidut*. Vol. 3. Jerusalem.
- Kaspina, M. 2012. Pochitanie Shtefaneshtskogo rebe: proshloe i nastoiashchee. In *"Staroe" i "novoe" v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii*, edited by O.V. Belova, 120–136. Moscow.
- Kaspina, M., and S. Amosova. 2019. Paradoks mezhetnicheskikh kontaktov: praktika obrashcheniia neevreev v sinagogu (po polevym materialam). *Antropologicheskii forum* 11 (Online): 1–24. http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011online/11_online_04_kaspina-amosova.pdf.
- Kaufman, Sh. 1955. *Zikhronot*. Tel Aviv.
- Khaimovich, B. 2000. "Geraldicheski orel" v khudozhestvennoi kul'ture vostochno-evropeiskikh evreev. *Vestnik Evreiskogo Universiteta* 3 (21), 87–111.
- Landau, I. 1892. *Zikharon Tov*. Petrákóv.
- Lurye, I., M. Yaglom (eds.), and M. Kravtsov (trans.). *Shivkhei Besht [Khvaly Israeliu Baal'-Shem-Tovu]*. Moscow.
- Pedaya, Kh. 2001. *Ha-degem ha-khevrati-dati-kalkali be khasidut*. Jerusale.
- Rappoport, I. 1904. *Divrei David*. Husyatin.
- Solomon, A. Ya. 2003. *Ha-tzaddik mi-shtefanesht*. Vol. 2. Bnei Brak.
- Tversky, A.-D. 1938. *Sefer kha-iakhas mi-chernobyl' va-ruzhin*. Lublin.